

А. В. Чудинов

**Огюстен КОШЕН и его ВКЛАД
в ИСТОРИОГРАФИЮ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Французский ежегодник 1987,
посвященный 200-летию Великой французской революции
М., 1989. С.220-239

Благодарим Автора за предоставление материала!

Не много найдется в исторической науке тем, разработка которых сопровождалась бы столь же острой идеологической борьбой, какая ведется уже на протяжении двух столетий вокруг Великой французской революции. Именно идейное противоборство, желание различных общественно-политических сил дать свою интерпретацию событий, развернувшихся во Франции на исходе XVIII столетия, играют роль катализатора, способствующего бурному росту данной отрасли историографии. Стремление обнаружить уязвимые места в концепции своего не только научного оппонента, но и идейного противника, побуждает историков углублять изыскания, вводить в оборот новые источники, обращаться к разработке малоизвестных аспектов темы. Диалектика борьбы противоположностей, борьбы непримиримой, ибо за идеологической оболочкой скрываются классовые интересы, движет вперед историографию революции, и каждый новый ее виток связан с именами ученых, которые с разных мировоззренческих позиций вносили свой вклад в исследование революционного десятилетия.

О французской революции написаны тысячи книг и статей, но если авторов одних знает каждый образованный человек, то о создателях других помнят теперь только специалисты. Кто сегодня читает Томаса Кристи, Фридриха Гентца или Огюста Баррюэля? Их сочинения, широко известные в конце XVIII в., теперь можно отыскать только в отделах редкой книги. Есть, однако, и третья категория авторов, не снискавших признания современников и довольно прочно забытых, но десятилетия спустя вызванных к жизни и поднятых на поверхность потоком идеологической борьбы, насквозь пронизывающей историографию Великой революции XVIII столетия. К их числу принадлежит французский историк начала XX в. Огюстен Кошен.

Труды этого рано ушедшего из жизни исследователя, увидевшие свет лишь после его смерти, более полувека почти не привлекали к себе внимания специалистов. В 1970 г. А.Собуль упоминал о них как об устаревших и представляющих интерес только для историков исторической науки.¹ Но спустя несколько лет положение круто изменилось. В 1978 г. один из виднейших консервативных историков, Ф.Фюре, поместил в своей нашумевшей книге "Размышляя о французской революции" пространный очерк, посвященный Кошену, где тот наряду с А.Токвилем был объявлен "единственным историком, предложившим точную трактовку (une conceptualisation rigoureuse) французской революции".² Сочинение Фюре вызвало немало откликов.³ О Кошене заговорили. В конце 70-х годов его основные работы были переизданы.⁴ По словам Ж.Бэшле, автора предисловия к "Духу якобинизма", идеи Кошена звучат сегодня гораздо актуальнее, чем при его жизни. Более того, согласно Бэшле, лишь один Кошен из всех когда-либо писавших о революции сумел приблизиться к правильному ответу на вопрос: почему во Франции конца XVIII в. произошел революционный взрыв?⁵

Итак, кто же он - Огюст Кошен - и почему его труды, пережившие второе рождение, получили в наше время столь восторженные оценки ряда французских историков и социологов?

О.Кошен родился в Париже 22 декабря 1876 г. Его отец, барон Дени Кошен, член Французской академии, ревностный католик, принадлежал к кругу политиков крайне правого толка. Закончив Школу хартий, Огюстен защитил в 1902 г. диссертацию по истории Франции XVII в. С 1903 г. он начал заниматься изучением французской революции XVIII в. В 1904 г. Кошен на основе документов Национального архива написал статью о выборной кампании 1789 г. в Бургундии. В 1904-1908 гг. Кошен работал в архивах Бретани, собирая материал для монографии.⁶ В 1908 г. он временно прервал свои изыскания для участия в дискуссии о сочинении И.Тэна "Происхождение современной Франции".⁷ В 1909 г. Кошен опубликовал очерк "Кризис революционной историографии: Тэн и Олар".⁸ В последующие годы вплоть до начала первой мировой войны Кошен вел подготовительную работу для создания фундаментального труда по истории якобинской диктатуры. Война помешала ему закончить исследование. 8 июля 1916 г. капитан Кошен погиб в сражении на Сомме.

После войны ряд работ О.Кошена был опубликован. В 1920 г. появился первый том собрания документов “Акты революционного правительства”,⁹ подготовленный им совместно с Ш.Шарпантье. В 1921 и 1924 гг. мать О.Кошена издала два сборника его трудов.¹⁰ В первый - “Общества мысли и демократия: Этюды революционной истории” (в 1979 г. он вышел под названием “Дух якобинизма”) - были включены уже ранее публиковавшиеся статьи и очерк 1909 г. о сочинении Тэна. Во второй, - “Революция и свободомыслие” - вошли подготовительные материалы теоретической части исследования по истории якобинской диктатуры. В 1925 г. увидела свет двухтомная монография о выборах в Бретани. И хотя Кошен не закончил свой основной труд, даже то, что он успел написать, дает ясное представление о его концепции французской революции.

Время, когда работал Кошен, - начало XX в. - было переломным для французской исторической науки. Занятая описанием явлений преимущественно политического характера, позитивистская историография, наиболее крупным представителем которой среди исследователей революции был А.Олар, в значительной степени исчерпала возможности для дальнейшего продвижения вперед. Споры о новых путях изучения революции приобрели тогда чрезвычайно острый характер. Свои мысли по этому поводу Кошен высказал в брошюре “Кризис революционной истории: Тэн и Олар”.

Краткая предыстория ее такова. В 1876-1893 гг. представитель правого крыла французской историографии Ипполит Тэн выпустил свой знаменитый многотомный труд “Происхождение современной Франции”, вторая часть которого была посвящена революции XVIII в. П.А.Кропоткин дал следующую весьма точную оценку этой работы: “Тэн - историк вполне враждебный если не самой революции, то формам, в которые она вылилась... А между тем, несмотря на эту враждебность, самый восторженный поклонник не может не понять, что Тэн внес совсем новый элемент и - странное дело - элемент этот - народ”. “Дело в том, - продолжает Кропоткин, - что у Тэна история революции является в совершенно ином виде, чем у других историков. Люди, на которых сосредоточивалось внимание прежних историков, у него исчезают. Его книга написана не для возвеличивания Робеспьера, как „История” Луи Блана, не для оправдания Дантона, как художественная история Мишле, - в ней видно, как народ делал революцию... Правда, народ является у Тэна в ложном свете, потому что вы видите его разрушительную деятельность, но не видите причин ее... Но вы все-таки видите у Тэна то, чего нет ни у одного историка, именно стихийное движение... После Тэна формальная история революции уже невозможна”.¹¹

Эти особенности сочинения Тэна вызвали резкую критику со стороны либеральных историков, и прежде всего наиболее видного из них - Альфонса Олара. Либеральная, республиканская историография, защищая ведущие начало с 1789 г. традиции буржуазной демократии, не желала “компрометировать” революцию признанием факта широкого размаха народного насилия в революционные годы. В 1907 г. Олар выпустил книгу “Тэн - историк французской революции”.¹² Отметив все, даже самые мелкие ошибки Тэна, вплоть до неточностей в сносках, Олар сделал вывод, что работа этого исследователя оказалась “совершенно бесполезной для исторической науки”. Выступление Олара послужило поводом для появления брошюры Кошена, который, однако, не ограничился рассмотрением позиций участвовавших в дискуссии сторон, а попытался дать собственную оценку положения во французской историографии революции на рубеже XIX-XX вв. Подчеркнем, что поскольку Кошен видел кульминацию революционных событий в якобинской диктатуре, то и к другим историкам он относился в зависимости от того, как они трактовали данный период.

До Тэна изучение революции, отмечал Кошен, развивалось в рамках двух концепций: “концепции обстоятельств” и “концепции заговора”. Приверженцы первой - сторонники революции - пытались объяснить происхождение якобинского режима влиянием внешних обстоятельств. Действия людей 93-го года были якобы обусловлены несчастьями, их окружавшими. “На их месте каждый здравомыслящий и храбрый человек действовал бы так же”, - утверждали эти историки.¹³ Олар, по мнению Кошена, шире, чем кто-либо другой, использовал данную концепцию, оправдывая даже последние акты террора обстоятельствами войны. Согласно Олару, установление революционной диктатуры было лишь “крайним средством ведения войны”. Но исследователи, разделявшие подобную точку зрения, забыли, что режим 93-го года имел в основе определенный принцип, писал Кошен, - это была “чистая или, говоря словами Тэна, прямая демократия”, сосредоточение всей власти в руках народа. Но поскольку народ не мог сам заниматься административными делами и вникать во все детали управления, ему был необходим орган надзора за властями. Таким органом стали

революционные общества - "глаз народа", как их тогда называли. Именно они воплощали в себе, по убеждению сторонников нового режима, народ. "Чистая демократия - режим обществ", - отмечал Кошен.¹⁴

Все вышесказанное мы в принципе можем принять без возражений. Правомерна критика широко распространенного в историографии XIX - начала XX в. отождествления якобинской диктатуры с режимом военного положения, ибо сводить якобинский режим к чрезвычайным мерам военного времени "значит вовсе не замечать проблемы революционного правительства, т. е. классического образца специфической формы власти - революционной диктатуры..."¹⁵ Одной из характерных черт, обусловленных этой спецификой, было широкое вовлечение масс в управление государством, осуществлявшееся через сеть революционных обществ. Кошен тонко подметил слабое место либеральной историографии - стремление разделить как несовместимые понятия "революционная диктатура" и "демократия". Сам он был убежден, что якобинский режим являлся наиболее последовательной формой демократии, какие до того времени знало человечество. Но из этого положения, в целом верного по отношению к начальному периоду якобинской диктатуры, он делал довольно тенденциозный вывод: поскольку якобинская диктатура не была результатом "обстоятельств", политика террора - нормальная форма функционирования любой действительно демократической власти.

Кошен, протестуя против абсолютизации военного фактора как причины революционной диктатуры, впадал в иную крайность и вообще отрицал всякое влияние войны внешней и гражданской на действия якобинского правительства, хотя именно ожесточенная классовая борьба и побудила революционеров прибегнуть к террору. По мнению Кошена, сам по себе принцип всевластия народа неизбежно предполагает отказ от норм морали и права, ибо, согласно этому принципу, мерилom нравственности и правомерности любого поступка становится соответствие его "всеобщей воле", т.е. воле "народа-суверена". "Мы утверждаем, - писал Кошен, - что сама идея революционного закона, или революционного акта, в том точно смысле, как это понимали в 93-м году, иными словами, акта формально законного, однако попирающего все элементарные нормы права и морали, не появилась бы без принципа прямого суверенитета народа и порожденного им социального режима (режима "прямой демократии". - А.Ч.). Впрочем, и практика это подтверждает: вести гражданскую и внешнюю войны приходилось не только людям, находившимся у власти в 93-м году, но лишь они одни поставили террор в порядок дня и заставили гильотину действовать непрерывно".¹⁶

Призывы защищать республику и бороться с контрреволюцией не были обусловлены реальными обстоятельствами, утверждал Кошен, они служили лишь прикрытием для репрессивной политики. "Когда акты народной власти приобретали в некоторой степени незаконный характер и становились тираническими, они всегда преподносились как действия ради общей обороны и общественного спасения".¹⁷ Тезис о защите республики пронизывал все документы революционного правительства, а поскольку именно их исследовали в первую очередь Мишле и Олар, Кошен, считая, что данный вид источников не отражал реальной действительности, отрицал правомерность выводов, содержащихся в трудах этих историков. Олар, по словам Кошена, изучал не содержание, а лишь внешний фасад, не то, что происходило на самом деле, а лишь то, что об этом писали, он был "привязан к абстракции прав человека, к фикции народа-суверена и всеобщей воли". Критикуя Олара, Кошен ставил под сомнение научную ценность всей "патриотической", "проякобинской" историографии, ибо, по его убеждению, отказ от тезиса "обороны", от аргумента "общественного спасения" неизбежно должен повлечь за собой отказ от оправдания революции.¹⁸

С большей симпатией писал Кошен о сторонниках "концепции заговора", к которым он относил всех противников революции. Они, отмечал Кошен, совершенно верно указывали на острые противоречия между якобинцами и широкими народными массами, однако ошибочно сводили происхождение якобинской диктатуры к заговору отдельных индивидов. Эта традиция ведет начало еще с Термидора, когда уцелевшие жертвы Террора обвиняли в своих несчастьях конкретных лиц: "Дантон отвечал за убийства в тюрьмах, Кутон - за убийства в Лионе, Мэнье - в Оранже; Фукье поплатился за революционное правосудие, Марат - за прессу, Робеспьер - за все на свете".¹⁹ В историографии подобные взгляды первым изложил в наивной форме аббат О.Баррюэль, автор многотомной истории якобинизма, объявивший революцию результатом масонского заговора.²⁰

Утверждения относительно существования “заговора” ошибочны, считал Кошен. “При социальном режиме, несомненно, имело место угнетение - угнетение большинства народа. . . Однако неверно, что” все угнетавшее меньшинство представляло собой клику или заговор”.²¹ Личности, писал Кошен, не играли в революции никакой самостоятельной роли. Это чувствовали и Мишле, ставивший народ выше отдельных людей, и Олар, отрицавший, что Гора являлась партией; но первым, по мнению Кошена, проблему якобинизма как “социального феномена” поставил Ипполит Тэн. С его именем Кошен связывал начало нового этапа в историографии революции, так как Тэн якобы преодолел недостатки и ограниченность как “концепции обстоятельств”, так и “концепции заговора”.²² Тэн “ниспроверг идола, разорвал на клочки фетиш революции - народ”,²³ ибо показал, что “малый народ” революционных обществ и большинство французов - “Великий народ” - не одно и то же. “Идеи и история малого народа, - писал Кошен, - не совпадают с нашими, его Малый народ имеет свой закон существования, свое развитие, о котором не знают даже живущие в нем, - такова основная идея книги Тэна. Сей закон парадоксален: в 89-м году появились народ, угнетавший большинство нации; принцип свободы, уничтоживший фактическую свободу, „философия”, убивавшая за мнение, правосудие, казнившее без суда”.²⁴

Тэн широко привлекал новый вид источников - воспоминания и свидетельства современников, принципиально отвергавшиеся Мишле и Оларом. Это позволило ему, по словам Кошена, первым увидеть и описать “малый народ”, первым отметить, что движущие пружины деятельности якобинского режима лежали не в сфере индивидуального сознания, а гораздо глубже; и все же Тэн лишь поставил проблему, но не решил ее. Причина - недостаток его метода. Стремясь уйти с проторенных путей в поисках объективных, не зависящих от индивидуального сознания факторов, породивших “феномен якобинизма” и обусловивших его развитие, Тэн применил так называемый психологический метод исследования. В центре его научных интересов находилась “психология якобинизма”. На подобном пути шел в тупик, утверждал Кошен, ибо рассматривая якобинизм как извращение, Тэн неизбежно должен был прийти к заведомо абсурдному выводу, что все якобинцы были сумасшедшими.²⁵

Таким образом, в историографии революции, к началу XX в. сложилась критическая ситуация: с одной стороны, попытки объяснить революционные события без знания реальных фактов (Олар), с другой - знание фактов и неспособность дать им теоретическое обобщение (Тэн). Разрешить данное противоречие возможно, по мнению Кошена, только применив к исследованию революции социологический метод” Эмиля Дюркгейма.²⁶

Социологическое учение Э. Дюркгейма (1858-1917) появилось на рубеже XIX-XX столетий как попытка преодолеть неспособность позитивистской науки к осмыслению законов общественного развития.²⁷ Дюркгеймовская социология противостояла также неокантианской философии, создававшей метафизические схемы, оторванные от фактов. Теоретико-методологической основой концепции Дюркгейма служил принцип естественного характера общественных закономерностей, подразумевавший отрицание сверхъестественных источников познания. Общество, утверждал Дюркгейм, представляет собой объективную реальность по отношению к отдельному индивиду, поэтому методы изучения его должны быть объективны. “Социальные факты нужно рассматривать как предметы”.²⁸

В то же время Дюркгейм подчеркивал специфику общественного мира по сравнению с природой. Общество, согласно его теории, - ярко выраженная автономная сфера действительности, которая развивается почти исключительно по своим внутренним законам и на которую несоциальные факторы не оказывают существенного влияния. “Объяснение социальной жизни нужно искать в природе самого общества”.²⁹ Такой подход полностью исключал психологическое объяснение социальных явлений, преобладавшее в науке тех лет. “Определяющая причина данного социального факта должна быть отыскиваема среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания”.³⁰

Признавая объективный характер социальных законов, определяющих жизнь общества, Дюркгейм в отличие от Маркса искал их не в экономической сфере, а в области общественного сознания. Французский социолог наделял сознание такого рода спецификой, которая превращала его в самостоятельный феномен. Понятие “социальный факт”, основное, по мнению Дюркгейма, понятие социологии, включало в себя “образы мыслей, действий и чувствований, находящиеся вне индивида и одаренные принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним”.³¹

Дюркгейм не только персонифицировал общество, но и деизировал его. Общество, считал он, - источник и объект всех религий, а религия - это система представлений индивида о социальном мире и о своем месте в нем. Лишив религию главного компонента - веры в сверхъестественное, в бога, Дюркгейм по существу отождествил ее с абстрактной моделью идеологии. Данная сторона учения Дюркгейма не была принята Кошеном, относившимся к религии с большим пиететом. Зато "социологический метод", требовавший искать причины общественных явлений в сфере коллективных представлений, Кошен, по его признанию, положил в основу исследования о якобинской диктатуре.³²

Особенно важное, на наш взгляд, значение для Кошена имела идея Дюркгейма о коллективном сознании группы. В теории Дюркгейма просматриваются два подхода к характеристике общества. С одной стороны, общество - это совокупность верований и идеалов, "ансамбль идей", субстрат коллективного сознания в широком смысле слова, с другой - структурная система социальных групп, каждая из которых имеет свое коллективное сознание, отличное от общественного сознания в целом и от индивидуального сознания входящих в нее лиц. "Группа думает, чувствует, действует совершенно иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены".³³ Исследование Кошена как раз и посвящено коллективному сознанию так называемых "обществ мысли", которое, по мнению автора, в результате своей естественной эволюции стало основной причиной революционного взрыва во Франции конца XVIII в.

Великая французская революция была, согласно концепции Кошена, следствием определенных процессов, происходивших в общественном сознании. О каких-либо экономических предпосылках революции Кошен, как правило, не упоминал. Лишь однажды он вскользь заметил, что у революции были и "реальные причины", например неправильный фискальный режим, хотя тут же подчеркнул, что подобные факторы могли играть роль лишь в 1789 г., но никак не 10 августа 1792 или 31 мая 1793 г.³⁴

Подобно Э.Бёрку, основателю консервативного направления историографии французской революции, Кошен противопоставлял событиям во Франции XVIII в. английскую "Славную революцию" 1688 г., установившую якобы "фактическую свободу", соответствовавшую "реальному положению вещей". Права англичан были гарантированы договором между двумя силами: королем, с одной стороны, купцами и крестьянами - с другой. Такая же "фактическая свобода" существовала, по словам Кошена, и во Франции до 1789 г., причем, возможно, даже в более широких размерах, чем в Англии; но "свободы" французов были более разнолики и многочисленны, ибо у различных городов, сословий, провинций имелись свои права и обязанности: "существовала не одна, а тысячи конституционных хартий", которые основывались на "фактическом положении", на традициях, на частных соглашениях. "Никакого произвола или тирании здесь не было, ничего - кроме законных различий, полезных для свободы самих нижестоящих. . . Человек высокого происхождения - дворянин - был тираном не больше, чем учитель по отношению к ученику".³⁵ Мировоззрением, наилучшим образом, по мнению Кошена, соответствовавшим этому "реальному обществу", являлась католическая религия.³⁶

Идеализация сословно-корпоративного строя "старого порядка" для начала XX в. не представляется чем-то необычным. В условиях капиталистической анархии производства, господства индивидуализма и распада системы христианских моральных ценностей не только консервативному историку Кошену, но и либералу Дюркгейму "старый порядок" казался общественным устройством, в котором деятельность социальных институтов была значительно лучше налажена именно благодаря господству теологического мировоззрения.³⁷

В отличие от английской революции 1688 г. французская, разрушившая "фактическую свободу" "старого порядка", не была вызвана реальными потребностями общественной жизни, утверждал Кошен, она - дело рук философов, а не купцов и крестьян, воплощение "абстрактной идеи всеобщей свободы, основанной на принципе, а не на реальном положении дел".³⁸ В то же время революция - это и не стихийная вспышка анархии: подготовка к ней велась в "обществах мысли" на протяжении более 30 лет.

"Общества мысли" - центральное понятие концепции Кошена. В их число он включал масонские ложи, литературные, философские и сельскохозяйственные общества, музеи, лицеи и другие просветительские объединения, широко распространившиеся во Франции XVIII в. По мнению Кошена, это были добровольные ассоциации, "созданные ради единственной цели - объединить свои познания, мыслить сообща, только из любви к сему искусству и без всяких практических намерений, совместно искать умозрительную истину из любви к ней".³⁹ Все "общества" обладали общей чертой: они были эгалитарными по форме и ставили своей задачей развитие философии.

Появление таких ассоциаций Кошен относил к 50-м годам XVIII в. Причин, вызвавших их к жизни, он указать не мог, и это - одно из наиболее уязвимых мест его концепции. Призвав к изгнанию психологизма из общественных наук и заявив о стремлении искать объективные факторы исторического развития, Кошен сразу столкнулся с задачей, решить которую с помощью дюркгеймовского "социологического метода" оказалось невозможным. Признать существование объективных причин для возникновения социальных групп - носителей идеологии, враждебной господствующему строю, означало признать наличие внутри "старого порядка" глубоких противоречий, побудивших к переосмыслению самих его основ. В противном случае все объяснение пришлось бы свести к намерениям и качествам отдельных лиц, вошедших в ассоциации, что оказалось бы равносильно возвращению к психологическому методу. Ни то, ни другое не было приемлемо для Кошена, поэтому он обошел этот вопрос, обратившись к анализу деятельности "обществ".

Едва возникнув, "общества мысли" быстро распространились по Франции, покрыв ее густой сетью. Развитие их, по словам Кошена, подчинялось определенным объективным законам, обусловленным самой природой подобных ассоциаций. В "реальной жизни", писал он, людей объединяет то, что в результате повседневной деятельности, в том числе трудовой, они приходят к одинаковым убеждениям, которые и являются базой социального консенсуса, чему пример - христианская религия. "Общества" же, напротив, возникли с целью нахождения истины и создания общей идеологии, т.е. объединение лиц тут появилось раньше, чем сложилась их идейная близость. Данное обстоятельство, согласно Кошену, определило глубокие различия в ценностях "социального мировоззрения" (т.е. мировоззрения членов "обществ") и "мировоззрения реального".⁴⁰

Характерная черта "обществ мысли", по мнению Кошена, - полный отказ от "реальной деятельности". Средством поиска истины для их членов была устная дискуссия, переписка и голосование. Истинным становилось то, что большинство в "обществе" таковым признавало. Главным достоинством любой идеи считалась ее очевидность, доступность для восприятия всеми членами ассоциации. Единственным методом познания было абстрактное, "чистое" мышление. И если в "реальном мире" мысль должна обязательно исходить из таких основополагающих, по мнению Кошена, ценностей, как вера, традиция и опыт,⁴¹ то для "чистого", "социального" мышления они не имели никакого значения. "Не было больше необходимости ни в Боге, ни в короле, ни в заботе о своих делах, потому что можно было развлекаться, предаваясь каждый вечер "философской" беседе, потому что, снимая шляпу при входе в ложу, каждый оставлял свои заботы за дверью, дабы выходя вернуться к ним". Более того, всякая связь с реальностью только затрудняла работу "чистого мышления", поэтому все "позитивные понятия" - вера, авторитет, традиция, уважение к власти и т.д. - были объявлены в "обществах" предрассудками.⁴²

Распространение "социального мышления" представляло собой, по словам Кошена, то, что обычно называют "прогрессом Просвещения".⁴³ Этот процесс повлек за собой глубокие сдвиги в общественном сознании. "Благодаря ему привилегированные забыли о своих привилегиях; мы могли бы также привести пример ученого, забывшего об опыте, верующего, забывшего о вере".⁴⁴ "Философия", ставя под сомнение разумность прежних моральных ценностей, подрывала существовавшие до того времени социальные связи, "реальный общественный союз" "старого порядка". Кошен определил данное явление как "индивидуалистический бунт против всех моральных устоев".⁴⁵

Огюстен Кошен в принципе правильно понял роль философии Просвещения, освобождавшей общественное сознание из-под влияния религиозного мировоззрения и подрывавшей тем самым идеологическую основу "старого порядка". Индивидуализм, ставший идеалом просветителей, играл в XVIII в. революционную роль, ибо подразумевал необходимость разрушения всех сословно-корпоративных ограничений личной инициативы. Но поскольку Кошен считал "старый порядок" лучшим из возможных, а религиозное сознание - единственно приемлемым, то, естественно, "прогресс Просвещения" оценивался им негативно. Кошен не сумел при помощи "социологического метода" объяснить причины быстрого распространения идей Просвещения. Фактически он сослался на психологический фактор, заявив, что члены "обществ" полюбили "игру в философию", поскольку она позволяла им удовлетворять честолюбие, открывая возможности для такой "карьеры", какая в "реальном мире" им была недоступна.⁴⁶

Члены многочисленных "обществ", распространившихся по всей Франции, создали, по словам Кошена, как бы свое государство. "Литературная республика", порождение "социального мышления", представляла собой идеальное общество, не имевшее никакой связи с "реальной жизнью", некий "город или мир в облаках", куда входили лишь посвященные в тайны философии. Эта выдуманная республика "имеет свою конституцию, своих магистратов, свой народ, свои почести и свои убоицы. Там тоже (как и в "реальном мире". - А.Ч.) изучают проблемы политики, экономики и т. д., там рассуждают об агрономии, искусстве, морали, праве. Там дебатировались текущие вопросы, там судят должностных лиц. Короче говоря, это маленькое государство - образ большого с одним лишь отличием: оно не является большим и не является реальным". "Мир в облаках" имел свою столицу - масонскую ложу "Великий Восток",⁴⁷ своих законодателей - энциклопедистов, свои парламенты - светские салоны; в каждом городе литературные общества и академии представляли собой "гарнизоны мыслителей", готовые по приказу из центра выступить против духовенства, двора или литературных противников.⁴⁸

Жизнь "литературной республики" подчинялась действию объективных социальных законов, писал Кошен, и прежде всего - "закону отбора и вовлечения", в соответствии с которым углубление в область философских абстракций имело следствием постепенный отсев тех, кто не мог полностью порвать связь с реальной жизнью. Оставались только наиболее способные к существованию в идеальном мире, созданном "чистой мыслью". Они сплывались все теснее и продолжали свое движение в "мире облаков".⁴⁹ Действовал этот закон автоматически, независимо от сознания индивидов, Кошен даже сравнивает весь процесс "развития Просвещения" с дрожжевым брожением. Непосредственным результатом его были постоянные "чистки" в "обществах" и "бескровный террор" против инакомыслящих, подвергавшихся травле в литературных кругах.⁵⁰ Для концепции Кошена характерно то, что "философия" фигурирует у него как цельное, нерасчлененное понятие. Он практически игнорирует острую идейную борьбу между представителями различных течений просветительской мысли. Для него важнее, что всех их объединял рационализм, подход к политическим, моральным, экономическим проблемам с позиций абстрактного, совершенного человека вообще.⁵¹ Расхождение в доктринах не имело, по его словам, почти никакого значения, решающую роль играло единство метода.⁵² И все же особое место Кошен отводил теории "общественного договора" Руссо, ставшей якобы слепком с "литературной республики". Абсолютная свобода мнений, равенство всех членов, принятие решений посредством голосования - эти черты демократического идеала Руссо были уже реализованы в повседневной практике "философских обществ". "Граждане Жан-Жака" - это не новые люди без предрассудков и традиций, они - обычные, потрепанные жизнью люди, утратившие в искусственном мире обществ свои предрассудки и традиции.⁵³ Ключевые принципы доктрины Руссо - свобода и равенство - являются, по мнению Кошена, умоизрядительным идеалом, абстракцией, приемлемой лишь для выдуманного "мира в облаках", но никак не для реальной жизни. Столкновение с реальностью чревато гибелью для философской системы.⁵⁴

Французская революция XVIII в. казалась Кошену именно таким столкновением, попыткой воплотить абстракцию в жизнь, попыткой "мира в облаках" завоевать "реальный мир". Кошен специально не рассматривал вопрос о связи философских обществ "старого порядка" и патриотических обществ эпохи революции.

Этот вопрос, действительно, сложен и до сих пор не решен в полной мере. С одной стороны, многие видные деятели революции до 1739 г. состояли в каком-либо из философских обществ, как и многие из академиков или масонских лож. С другой - многие из бывших масонов пополнили в революционные годы ряды эмиграции. Кошен не дал определенного ответа, но из его рассуждений нетрудно понять, что он видел в революционных или патриотических обществах прямых наследников "обществ мысли", которые развивались по тем же объективным законам. Так "законом отбора и вовлечения" Кошен объяснял "чистки" Якобинского клуба (изгнание фейянов, жирондистов, дантонистов и т.д.). Их задачу он видел в автоматическом отборе индивидов, наиболее приспособленных для жизни "обществ", - людей без собственного мнения и личных привязанностей. Например, Эро де Сешелю, пережившему целый ряд подобных "чисток", приходилось каждый раз от чего-то отказываться - от происхождения, от славы литератора, от гордости философа, от своих вкусов, склонностей, благ жизни.⁵⁵ В результате "отбора" сложился круг людей, управлявших всей жизнью "обществ". "Таким образом, любое эгалитарное общество через некоторое время неизбежно оказывается в руках нескольких людей - это действие силы вещей, это не заговор, а закон, который можно назвать законом автоматического отбора".⁵⁶

Революция не была ни заговором, ни делом рук народа, считал Кошен.⁵⁷ “Ядро мятежа” составлял “малый народ” - члены “обществ”, массы же выступали лишь в качестве послушного и слепого орудия. Кошен полностью отрицал какую-либо стихийность в действиях народа. Все выступления, писал он, были задуманы и спровоцированы “обществами”.⁵⁸

Возникает вопрос: каким образом сравнительно небольшому числу (по словам Кошена) членов революционных клубов удавалось в решающие моменты революции побуждать якобы незаинтересованные массы к мощным выступлениям? Не располагая достаточными фактами, Кошен обратился к социологическому исследованию М.Острогорского о способах мобилизации избирателей буржуазными партиями Англии и США⁵⁹ и механически перенес их во Францию эпохи революции. Пользуясь подобным методом, Кошен, почти не обращаясь к фактам для доказательств, обвинил якобинцев в подкупе, шантаже и запугивании масс.

Вслед за Острогорским, применившим термин “машина” к организациям буржуазных партий, Кошен дал такое же название сети революционных обществ. Соответственно каждый из революционеров представлялся ему винтиком этого механизма. Кошен предложил даже особую классификацию участников революции в зависимости от того, какую функцию они выполняли в “машине”.⁶⁰

Приписав якобинской диктатуре худшие черты буржуазных демократий, Кошен затем сделал не менее произвольное обобщение, доказывая, что террор - неизбежное следствие любой последовательно демократической власти. “Можно сказать, что Террор - нормальное состояние “социальной жизни”; целостность “общества” всегда поддерживается только при помощи взаимной слежки и страха, по крайней мере там, где эта политическая форма применяется в реальном мире, выходя из своей естественной среды - мира мысли”.⁶¹

Добившись единообразия мнений (“социализация мышления”), единообразия человеческих качеств, обезличивания людей (“социализация личности”), “малый народ”, или “машина”, перешел к “социализации имуществ”, - писал Кошен. Этот мотив разработан им в меньшей степени, однако и по опубликованным наброскам можно понять, что якобинский режим оценивался им как “коммунистическая автократия”. Не имея достаточно четких представлений о коммунистических принципах, Кошен утверждал, что такая мера, как “максимум”, означала переход к “коммунизму имуществ”.⁶²

Кошен даже не пытался связать экономические меры якобинского правительства с войной против внешней и внутренней контрреволюции. Он вообще игнорировал войну как фактор, оказавший влияние на развитие революционных событий. Более того, он даже выдвинул такую антитезу: пока “Великий народ” воевал с австрийцами и англичанами, “малый народ” “сражался” против безоружных заключенных в тюрьмах и гильотинировал неугодных. Соответственно Термидор оценивался Кошеном как восстание “Великого народа” против “малого”, как победа “реального мира” над “миром в облаках”, как возвращение здравого смысла.⁶³

Таким образом, предложенная Кошеном интерпретация Великой французской революции имела с идеологической точки зрения ярко выраженную консервативную направленность. Идеализируя “старый порядок”, восхваляя католическую церковь, не скрывая вражды к революции и к демократии вообще, Кошен стал продолжателем историографической традиции, ведущей свое начало еще от трудов Э.Бёрка. Естественно, что выход в свет произведений о революции со столь ярко выраженным политическим подтекстом, произведений, не являющихся историческими исследованиями, а представляющих собой попытку философско-социологической интерпретации исследований других авторов, вызвал весьма негативные отклики со стороны историков либерального и демократического направлений.

Так, мэтр либеральной историографии А.Олар заявил, что Кошен оживил “старый тезис аббата Баррюэля, будто Революция вышла из лож. Тот факт, что Людовик XVI и два его брата были франкмасонами, заставляет задуматься над тем, насколько обоснован данный тезис. Но автор рассуждает без учета фактов, не ссылаясь или почти не ссылаясь на них”.⁶⁴

Еще более критически отозвался о работе Кошена “Революция и свободомыслие” Альбер Матьез: “...она содействует развитию не истории, а лишь философии и социологии. Это догматическое и формальное построение, имеющее цель доказать, что демократия по закону своего действия не может не сделать индивида рабом общества в том, что касается его мышления, его свободы и его имуществ”. Отмечая большое влияние на Кошена исследования М.Острогорского, Матьез указал на

существеннейшее различие между трудами двух авторов: “Если Острогорский ограничился описанием фактов, то г-н О.Кошен захотел дать им логическое объяснение. Естественно, ему удалось выдвинуть лишь произвольные определения, выведенные путем дедукции. Он рассуждает, подобно теологу томистской школы, пользуясь постулатами и силлогизмами. И реальность исчезает при этих упражнениях интеллектуальной эквилибристики”.⁶⁵

Матъез особо подчеркнул, что Кошен, выдвигая тезис о ведущей роли “обществ мысли” в подготовке революции, не привел в подтверждение ни текстов источников, ни фактов. “Кошен, видимо, и не догадывался, что ложи до 1789 г. были далеки от того, чтобы стать “обществами мысли”, напротив, они являлись обществами пьянства и развлечений. Кроме того, разные ложи придерживались ритуалов, так сказать, систем, совершенно противоположных. Они не имели между собой ничего общего, кроме того, что одинаково пополнялись выходцами из богатых классов. Они отправили в эмиграцию наиболее значительную часть своих членов. Их политическая роль ничтожна. Предположение, что они имели программу и управляли мнением своих членов, носит совершенно произвольный характер. Однако это предположение необходимо для доказательств Кошена, оно составляет их основу. Если его вынуть, все рухнет”.⁶⁶

Так же противоречит всем фактам сведение революционных клубов к филиалам лож и представление о том, что революционное правительство проводило коммунистическую программу, отмечал Матъез. Напротив, это правительство чрезвычайно враждебно относилось даже к идее аграрного закона и постановило предать смертной казни того, кто его предложит.

Столь категорические оценки двух ведущих авторитетов в области революционной истории стали, казалось, окончательным приговором концепции Кошена. Действительно, хотя в 30-е годы продолжалось издание некоторых его трудов,⁶⁷ имя Кошена было почти забыто.

“Возвращение” Кошена связано с развернувшейся в последние три десятилетия дискуссией, вызванной попытками так называемого ревизионистского направления в немарксистской историографии осуществить “новую концептуализацию” революции, пересмотреть главные выводы и методы “классической” историографии XIX-XX вв.⁶⁸

Как уже отмечалось, в 1978 г. французский историк Франсуа Фюре, один из ведущих представителей “ревизионистского” течения, поместил в своей книге “Размышляя о французской революции” очерк “Огюстен Кошен: теория якобинизма”. Зачем ему потребовался этот забытый и отнюдь не крупный ученый, автор объясняет в предисловии. Цель сочинения Фюре - “прежде всего полемика с историками-коммунистами о французской революции, выявление непоследовательностей в преобладающей сегодня интерпретации этого феномена”, а Кошен, по его словам, “рассматривал тот же самый вопрос, что поставлен в этой книге”.⁶⁹

На 40 страницах Фюре весьма сочувственно и чрезвычайно подробно излагает идеи Кошена, не высказывая почти никаких критических замечаний, так что нередко трудно понять: где здесь мысль Кошена, а где - Фюре, и есть ли между ними какое-либо различие. Лишь в заключение Фюре отмечает, что Кошен допустил некоторые упрощения, что революция не сводится к деятельности одних только патриотических обществ, что, помимо руссоистского течения, стремившегося к “прямой демократии”, существовали также силы, добивавшиеся более умеренной демократии - представительной, но тут же он добавляет, что по отношению к якобинской диктатуре анализ Кошена полностью сохраняет свою значимость.⁷⁰

Почему же именно Кошена поднимает на щит один из инициаторов современной “реинтерпретации” французской революции? Разумеется, близость идеологических позиций Фюре и Кошена сыграла свою роль: и для того, и для другого характерны идеализация “старого порядка”, критическое отношение к революции, особенно - к периоду якобинской диктатуры, отрицание необходимости революционных потрясений. Однако только это еще не объясняет интереса Фюре к трудам Кошена. Почему именно Кошен, а не Тэн, П.Гаксотт или какой-либо другой противник революции? Чтобы ответить на данный вопрос, надо обратиться к гносеологическим истокам концепций обоих историков. Излюбленный жанр представителей “ревизионистского” направления - “работы обобщающего и историографического характера, основанные не столько на оригинальном исследовании документов, сколько на материалах специальной литературы, посвященной французской революции”.⁷¹ Анализируя специальные труды других авторов, историки-“ревизионисты” акцентируют внимание на сложных, недостаточно изученных проблемах, а также на аспектах, получивших в результате новейших исследований отличное от традиционного освещение. Делая упор на эти

“болевые точки”, “реинтерпретаторы” пытаются прогнать год сомнение достижения классической, в том числе марксистской, историографии французской революции. Концепция же Кошена как раз и отличалась, на наш взгляд, новизной постановки ряда проблем, до сих пор не получивших окончательного разрешения в исторической науке.

Так, Кошен подверг острой критике “событийную историю” и “психологический подход” к изучению революции, призвав к поиску объективных экономических условий, значение которых позволило бы дать наиболее объяснение причин революционных событий. Сам он не смог решить этой задачи. “Социологический метод” Дюркгейма не позволил ему найти правильный ответ, марксистский же метод был для Кошена неприемлем по идеологическим соображениям. Показательно, что он даже не упомянул о новом, отличном от позитивистского, подходе к истории революции, предложенном Ж.Жоресом под влиянием идей Маркса, хотя труд Жореса увидел свет еще в 1901-1904 гг.⁷²

Сегодня представители “ревизионистского направления” критикуют как “событийную”, так и марксистскую историографию. Поэтому столь симпатичен Фюре “третий” путь, предлагавшийся Кошеном. С явным одобрением Фюре отмечает: “...по мнению Кошена, революционный взрыв не был порожден экономическими и социальными противоречиями. Его источник - политическая динамика...”⁷³ Сам Фюре также убежден, что события революции имели политическое и идеологическое содержание и не могут быть подвергнуты причинному анализу в рамках экономических и социальных противоречий.⁷⁴ Отметим, что и другие авторы “ревизионистских прочтений” революции отрицают ее социально-экономическую детерминированность.⁷⁵

Другая важная проблема, поставленная Кошеном, - вопрос о противоречиях между якобинским правительством и движением городского плебса, вопрос, которому большинство либеральных и демократических историков XIX в. не уделяло должного внимания. Кошен, правда, был отнюдь не первым, кто пытался объяснить эти противоречия. Свою трактовку до него им дали Тэн и Кропоткин. Однако Кошен, как никто другой, заострил данный вопрос, сделав его одним из центральных пунктов своей интерпретации революционных событий конца XVIII в. Подчеркнем, что настоящая проблема еще не получила, несмотря на ряд серьезных попыток,⁷⁶ исчерпывающего объяснения и в современной марксистской историографии.

Третий важный вопрос, поднятый Кошеном, - роль различного рода “неформальных” объединений: литературных кружков, философских обществ, масонских лож в идеологической подготовке революции. Эта сторона предреволюционной истории до сих пор слабо изучена по следующей причине: архивы масонских лож вплоть до второй мировой войны были закрыты для исследователей. Лишь после войны в Национальную библиотеку поступили архивы ложи “Великий Восток”. Разбор и систематизация заняли некоторое время, и лишь сравнительно недавно ученые получили к ним доступ. В 80-е годы появился ряд весьма интересных работ, посвященных данной теме.⁷⁷ Авторы специальных исследований о масонстве XVIII в., даже отмечая, что выводы Кошена нередко противоречат фактам, тем не менее отдают ему должное за постановку самой проблемы. Так, Р.Алеви, изучив динамику распространения лож на протяжении почти 70 лет, предшествовавших революции, пришел к заключению, что расширение сферы влияния масонства отнюдь не имело прямой связи с прогрессом Просвещения, как утверждал Кошен. В то же время Алеви высоко оценил Кошена за то, что тот первым обратил внимание на роль масонских лож в развитии форм демократического общения, которые были невозможны в каких-либо входящих в традиционную структуру объединениях.⁷⁸

Итак, работы Огюстена Кошена характеризуются обращением к некоторым чрезвычайно важным и сложным проблемам истории революции и весьма специфическими попытками их разрешения. Верно подметив отдельные черты исторического развития Франции XVIII в., Кошен их абсолютизировал, представив в утрированном виде, что привело к полному искажению общей картины революционных событий. Эта особенность его трудов и привлекла к нему внимание современных “реинтерпретаторов”, которым импонирует стремление Кошена к изучению ключевых аспектов революции нетрадиционными методами, отличными от методов “классической” историографии. Именно этим, по-видимому, объясняется повышенный интерес, проявляемый сегодня к некогда почти забытому историку начала века.

Примечания

- 1 *Soboul A.* La civilisation et la Revolution francaise. P., 1970. Vol.1.
- 2 *Furet F.* Penser la Revolution francaise. P., 1978. P.9-10.
- 3 См., напр.: *Le Roy Ladurie E.* Une nouvelle interpretation de la Revolution // *Monde.* 1979. 12 janv.; *Hirsch J.P.* Pensons la Revolution francaise // *Annales.* E.S.C. 1980. № 2; *Годшо Ж.* О книге Ф.Фюре // *Французский ежегодник,* 1978. М., 1981.
- 4 *Cochin A.* La Revolution et la libre-pensee. P., 1978; *Idem.* L'esprit du jacobinism. P., 1979.
- 5 *Baechler J.* Preface // *Cochin A.* L'esprit du jacobinism. P.31.
- 6 *Cochin A.* Les societes de pensee et la Revolution en Bretane, 1788-1789. 2 vol. P., 1925.
- 7 *Taine H.* Les origines de la France contemporaine: La Revolution. 3 vol. P., 1878.
- 8 *Cochin A.* La crise de l'histoire revolutionnaire: Taine et M.Aulard. P., 1909.
- 9 Actes du gouvernement revolutionnaire (23 aout 1793-27 juillet 1794) / Recueil du documents publics par MM. A.Cochin, Ch.Charpentier. P., 1920. T.1: 23 aout-3 decembre 1793.
- 10 *Cochin A.* Les societes de pensee et la democratic. Etude d'histoire revolution-naire. P., 1921; *Idem.* La Revolution et la libre-pensee. P., 1924.
- 11 *Кропоткин П.А.* Великая французская революция, 1789-1793. М., 1979. С.455, 458-460.
- 12 *Aulard A.* Taine historien de la Revolution francaise. P., 1907.
- 13 *Cochin A.* Les societes de pensee et la democratic. P.75.
- 14 *Ibid.* P.75, 78.
- 15 *Старосельский Я.В.* Проблема якобинской диктатуры. М., 1930. С.4-5,
- 16 *Cochin A.* Les societes de la democratic.
- 17 *Ibid.* P.110
- 18 *Ibid.* P.109, 113.
- 19 *Ibid.* P.89.
- 20 *Barruel A.* Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. 4 vol. L., 1797-1798.
- 21 *Cochin A.* Les societes de pensee et la democratic. P.92.
- 22 *Ibid.* P.74-75.
- 23 *Ibid.* P.133.
- 24 *Ibid.* P.94.
- 25 *Ibid.* P.74, 101.
- 26 *Ibid.* P.97, 99-100.
- 27 Подробнее см.: *Осинова Е.В.* Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977.
- 28 *Дюркгейм Э.* Метод социологии. Киев; Харьков, 1899. С.20.
- 29 Там же. С.89.
- 30 Там же. С.97.
- 31 Там же. С.9.
- 32 *Cochin A.* La revolution et la libre-pensee. P.66-68.
- 33 *Дюркгейм Э.* Указ.соч. С.91.
- 34 *Cochin A.* La revolution et la libre-pensee. P.XXXIII.
- 35 *Ibid.* P.102-103, 124-125.
- 36 *Ibid.* P.10-11, 58, 281-287.
- 37 См.: *Осинова Е.В.* Указ.соч. С.37, 192-193.
- 38 *Cochin A.* La revolution et la libre-pensee. P.103-104.
- 39 *Ibid.* P.XXIX, XXXI.
- 40 *Ibid.* P.8-10.
- 41 "Каковы бы ни были усилия и стремления разума, моралист без веры, гражданин без традиции, человек без опыта останутся жалкими людьми, подверженными всевозможным ошибкам" // *Ibid.* P.20.
- 42 *Ibid.* P.22, 57-61.
- 43 *Ibid.* P.27.

- 44 Ibid. P.XXXIII.
- 45 Ibid. P.60.
- 46 Ibid. P.22-23.
- 47 Ibid. P.XXX, 25.
- 48 *Cochin A.* Les societes de pensee et la democratie. P.5.
- 49 *Cochin A.* La Revolution et la libre-pensee. P.23-24.
- 50 Ibid. P.XXIX, 71, 172-173.
- 51 *Cochin A.* Les societes de pensee et la democratie. P.20.
- 52 *Cochin A.* La Revolution et la libre-pensee. P.108-109.
- 53 Ibid. P.76-77.
- 54 Ibid. P.118.
- 55 Ibid. P.190, 197.
- 56 Ibid. P.137.
- 57 Ibid, P.189.
- 58 Ibid. P.176-180.
- 59 *Ostrogorski M.J.* La democratie et l'organisation des parties politiques. P., 1903; рус. пер.: *Острогорский М.* Демократия и политические партии. М., 1927. Т.1; М., 1930. Т.2.
- 60 *Cochin A.* La Revolution et la libre-pensee. P.191-215.
- 61 Ibid. P.172.
- 62 Ibid. P.232-240.
- 63 Ibid. P.249-250.
- 64 *Aulard A.* La Revolution et la libre pensee, par M.Augustin Cochin // *Revolution francaise*. P., 1924. Т.77, № 22. P.363-364.
- 65 *Mathiez A.* Augustin Cochin: La Revolution et la libre-pensee // *Annales histo-riques de la Revolution francaisc*. 1925. Т.2, № 8. P.179.
- 66 Ibid.
- 67 *Cochin A.* Sur la politiques economiques du gouvernement revolutionnaire. Blois, 1933; *Idem.* Abstractions revolutionnaire et la realisme catholique. Bruges, 1935; *Cochin A., Bourd M. de.* Precis des principales operations du gouvernement revolutionnaire. P., 1936.
- 68 См.: *Собуль А.* Классическая историография французской революции. О нынешних спорах // *Французский ежегодник*, 1976. М., 1978; *Адо А.В.* Великая французская революция и ее современные критики // *Буржуазные революции XVII-XIX вв. в современной зарубежной историографии*. М., 1986.
- 69 *Furet F.* Penser le Revolution francaise. P.9-10.
- 70 Ibid. P.252-259.
- 71 *Адо А.В.* Указ.соч. С.100.
- 72 *Histoire socialiste de la France / Ed. J.Jaures.* 12 vol. P., 1901-1908. Первые четыре тома были написаны Ж. Жоресом и посвящены революции. Позже Матьез выпустил их отдельным изданием: *Jaures J.* Histoire socialiste de la Revolution francaise. 8 vol. P., 1922-1924.
- 73 *Furet F.* Op.cit. P.242.
- 74 Ibid. P.40.
- 75 См.: *Адо А.В.* Указ.соч. С.122-123.
- 76 См., напр.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966; *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции: Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983.
- 77 *Halem R.* Les loges maconnique dans la France d'ancien regime aux origines de la sociabilite democratique. P., 1984; *Agulhon M.* Penitents et Francs-Masons de l'ancienue Provence: Essai sur la sociabilite meridionale. Evreux, 1984; *Faucher I.-A.* Les Francs Masons et le pouvoir: de la Revolution a nos jours. P., 1986.
- 78 *Halevi R.* Op.cit. P.104-105.